

уводя историков от теоретических построений, ограничивая их работу реконструкцией прошлого с «эмпирическими выводами», власть привела к «оживлению старых типов исторического мышления». Это «античный статически-описательный тип», «средневековый... с его вербализмом и схоластикой», которым свойственно «механистическое понимание мира, свойственное метафизическому мышлению нового времени» (с. 358–359) и лишённое диалектических противоречий. Кстати, сам Зеленов на протяжении всей книги указывает на противоречия в творчестве Невского. Исключение из этого направления научной мысли представляют его рабо-

ты, в которых вскрывается диалектика развития рабочего движения.

Подводя итог, нужно сказать, что наука обогатилась серьёзным историографическим исследованием по истории Первой российской революции. Представляется, что важнейшие выводы исследования имеют для науки методическое и теоретическое значение.

Примечания

¹ Цит. по: *Иоффе Г.З.* Послесловие // *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 335.

² См.: *Баранов Г.С.* Единство концептуального и образного отражения в историческом познании. Томск, 1985. С. 132.

Юлия Галкина

Воспоминания М. Жанена — выдающийся источник по истории Гражданской войны и Революции*

Yuliya Galkina

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia)

Memoires of General M. Janin — an outstanding source about Russian Civil War and Revolution

DOI: 10.31857/S2949124X25010182, EDN: AHWNCH

Научное осмысление событий Первой мировой войны и Великой российской революции (1917–1922) в современной России сталкивается с рядом объективных проблем, в частности — с недостаточным вниманием к переводу и публикации синхронных источников. В отечественных исследованиях слабо задействован массив документов зарубежного происхождения (с. 9), что не позволяет в полной мере реконструировать реальные масштабы,

в частности, французского присутствия в 1914 — 1920-х гг. и деятельность представителей военного министерства Третьей республики в России. Публикуемый корпус воспоминаний знаменитого участника событий Гражданской войны в России М. Жанена призван внести весомый вклад в решение данной проблемы.

Воспоминания предвещает обстоятельная биография героя, выполненная Р.Г. Гагкуевым с привлечением

* С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания / М. Жанен; вступ. ст., науч. ред., сост. и коммент. Р.Г. Гагкуева. М.: Кучково поле, 2023. 896 с.

оригинальных материалов французских архивохранилищ — Национального архива, Исторической службы Министерства вооружённых сил Франции, Парижского архива (*Archives de Paris*). Подробно реконструирована и интерпретирована специфика профессионального пути французского военного, определён круг его контактов и служебных интересов. Воспоминания французского генерала охватывают период Первой мировой и Гражданской войн в России.

19 апреля 1916 г. Жанен был назначен главой французской военной миссии и прибыл в Ставку 25 мая. Так началась его «первая миссия» в Россию. Тогда же он начал вести дневник, который лёг в основу мемуаров. Появление Жанена было чрезвычайно важно в контексте процесса реорганизации французской миссии в России. Необходимость сформировать эффективную структуру коалиционного взаимодействия между странами Антанты, а также возрастающее количество задач, которые решались французским военным атташе в России, обусловили трансформацию всего военного представительства Франции. Инициатором этого проекта выступил маршал Ж. Жоффр. Обновлённую структуру возглавил Жанен, под руководством которого миссия стала центром притяжения и координации деятельности всех французских военных на территории России.

Кандидатуру Жанена, по всей видимости, утвердили, потому что его военная карьера длительное время была связана с Россией. В 1890-х гг. молодого офицера направили в Санкт-Петербург по заданию второго бюро Генерального штаба Франции для изучения перспектив союза с Российской империей. В 1896 г. Жанен — адъютант Николая II во время визита царя во Францию. По замечанию Гагкуева, в процессе стажировки при

Николаевской академии Генштаба он отправил во Францию несколько десятков рапортов, в которых содержались подробные сведения о русской армии, её мобилизационных возможностях, настроениях в обществе и т.д. (с. 14). Для французского командования Жанен, имевший также многочисленные знакомства в русской офицерской среде, был ценным специалистом и носителем знаний о союзной державе.

Перед Жаненом ставилась задача активно стимулировать Румынию к вступлению в войну на стороне Антанты, и ради этого добиться уступок со стороны России. На страницах воспоминаний генерал винил себя («*mea culpa*») в разрешении этого вопроса, поскольку, по его мнению, присоединение Румынии к союзникам стало тяжким грузом для России и ускорило революционные события (с. 133). Кроме того, ему поручалось усовершенствовать подготовку русской армии, «снабдив» её в том числе техническими специалистами, и, конечно, реорганизовать французскую военную миссию. Если ранее последняя рассматривалась и понималась как временная функция, порученная специальному представителю с целью решения определённого круга задач, то в 1916 г. французское представительство трансформировало это понятие, и слово «миссия» приобрело значение некоего централизованного, многоцелевого учреждения.

Воспоминания Жанена исключительно ценны, во-первых, потому что представляют собой структурированный взгляд на политическую и военную обстановку в России в годы Первой мировой войны и в период революционных изменений. Во-вторых, мемуарист делится наблюдениями антропологического характера. Он оставил яркие впечатления о царской семье и придворной жизни, передал

многие ходившие в светской среде слухи и предрассудки. В-третьих, довольно подробно представлена деятельность французских военных и политиков на территории России.

Жанен осознавал возрастающую роль пропагандистской деятельности. В июне 1916 г. он потребовал присылки в миссию новых офицеров, чтобы безболезненно перевести часть своего персонала в службу пропаганды майора де Шевийи. Желая удерживать силы союзников от внутреннего распада, мемуарист стал одним из первых, кто потребовал присутствия в России французских социалистов. Этот сюжет был подробно рассмотрен на страницах воспоминаний (с. 168–170). Здесь же находим беседы генерала с министром-социалистом А. Тома (с. 179–185) и дальнейшее инспектирование войск с целью оценить степень их разложения. Помимо тяжёлой обстановки в армии, Жанен обращался к вопросам материально-технического взаимодействия, отмечая недостаточную квалифицированность русского технического персонала и слабую оснащённость предприятий (с. 99), что может служить для исследователей подспорьем в оценке модернизационного потенциала поздней Российской империи.

На страницах воспоминаний находят отражение ссоры, трудности взаимодействия между национальными контингентами и представителями союзных миссий, например, проблема «старшинства» генерала А. Нисселя над всеми союзническими миссиями (с. 561). Жанен также часто фиксирует детали бытовой обстановки, вплоть до описания погодных условий. Важным аспектом является обращение автора к широкой экспозиции представителей Третьей республики и союзных миссий. Это позволяет оценить масштаб иностранного присутствия на территории России, реконструировать

его функционал, служебные и личные отношения, включая деятельность довольно одиозных персонажей франко-русского диалога, например С.Н. Рехтзаммера, имевшего во Франции сомнительную репутацию двойного агента (с. 542–543).

Жанен покинул Россию 8 ноября 1917 г. Его чётко артикулированное негативное отношение к революционному процессу, близость к Николаю II, а также обстановка, всё более осознававшаяся французским руководством как безысходная, потребовали руководителя иного рода. Таковым стал генерал Ниссель. Однако спустя практически год, 28 августа 1918 г., Жанен получил предписание направиться в распоряжение подчинённых ему войск в рамках военной миссии в Сибири. Во Владивосток генерал прибыл в первой половине ноября 1918 г., когда обстановка на западном фронте прочно изменилась в пользу Антанты. Таким образом, вопрос восстановления фронта на востоке потерял актуальность, и перед «второй миссией Жанена» встали иные задачи, отвечавшие идее союзнической интервенции. Обратим внимание, что миссия в Сибири, несмотря на определённую преемственность её личного состава, представляла собой отдельную структуру с совершенно иными целями и задачами.

Воспоминания о «сибирской Одиссее» сопровождаются реконструкцией специфики поведения и деятельности национальных контингентов (чешских, польских, сербских, румынских). Генерал описывает политическую и экономическую жизнь Сибири, деятельность А.В. Колчака (преимущественно в критических тонах) и его конфликты с подчинёнными Жанену национальными контингентами. Упоминается специфика взаимодействия с союзниками (японцами, американцами), описаны струк-

тура, цели и задачи французской миссии в регионе.

Жанену на страницах воспоминаний не удалось избежать стереотипного понимания России и её народа. Он отмечает, что у русских меньше, чем у французов, «как здравого смысла, так и патриотизма» (с. 185) и что «русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев». Это, по его мнению, «слишком часто заменяет у них истинный патриотизм» (с. 596).

Исключительным моментом публикации являются воспоминания современников и «коллег» Жанена по службе в России (в частности, генерала А. Нокса), откликнувшихся на опубликованные им воспоминания. Эта полемика, доходившая до взаимных обвинений, обнажила противоречия между союзниками в восприятии и оценке событий, произошедших в годы российской революции. Жанен критиковал английских визави, считая, что представители Туманного Альбиона «стимулировали» свержение Николая II, «надеялись половить рыбку в мутной воде» (с. 571) и «наложить руку» на ресурсы Закавказья и Русского Севера (с. 531). Poleмику вокруг воспоминаний Жанена поддерживали и русские эмигранты — Н.В. Брянчанинов, Н.Н. Чебышев, М.И. Смирнов, и французские публицисты, рецензии которых также включены в публикацию.

Отдельно стоит отметить проведённую Гагкуевым работу по научно-критическому сопровождению публикуемого источника. Дан обширный экскурс в историю появления и пре-

емственности текстов Жанена, проанализированы отзывы современников об этих воспоминаниях, а также историография их исследования. В порядке дискуссии можно отметить, что публикация дневников Жанена во Франции в 1930-х гг. представляется актуальной не только с точки зрения переосмысления событий Гражданской войны в России, но также в контексте развития франко-советского диалога, сопровождавшегося яркими политическими дебатами о возможной реанимации франко-русского альянса (ввиду германской угрозы) и, как следствие, рефлексии над опытом взаимодействия в годы Первой мировой войны и революции.

Перевод воспоминаний и дневников Жанена выполнен внимательно и корректно, публикатор сохранил своеобразие авторского стиля. Язык перевода отличается стилистическим единообразием. Издание снабжено дополнительными материалами, позволяющими обогатить представление о Первой мировой войне и российской революции, подчеркнуть восприятие Жаненом его собственной деятельности в России, менявшуюся с течением времени.

В завершении хотелось бы отметить, что рецензируемый труд существенно обогатит представления исследователей о событиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, станет стимулом к написанию исследований о восприятии французами русской политической элиты и о взаимоотношениях представителей союзных миссий в России.